

Методика и техника СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 1993 г.

О.Н. КОЗЛОВА

О МЕТОДАХ АНАЛИЗА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ

КОЗЛОВА Оксана Николаевна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии Московского государственного открытого пединститута, В нашем журнале опубликовала статью (1993, № 4).

Социокультурный процесс на наших глазах постепенно превращается в традиционный объект социологического исследования. Более того, именно проблемы социокультурного характера все чаще оказываются в центре внимания социолога. Пожалуй, они привлекают своей способностью открывать в исследовании небывало широкий горизонт. В то же время их анализ сопряжен со значительными трудностями методологического порядка.

С одной стороны, метод формируется по мере изучения объекта, прокладывания пути в неизвестное, а с другой, разумеется, сам объект влияет на выработку метода — хотя бы тем, что не всегда поддается изучению твердо установленным классом методов. Например, применительно к социокультурным проблемам те Методы, которые, как правило, используются в конкретной социологии и основаны на количественных подсчетах, обнаруживают свою неэффективность. Попытавшись следовать неопозитивистской исследовательской концепции, мы очень скоро столкнемся с проблемой измеряемости, почувствуем порог формализуемости, упрощаемости. «Измерением» В.А. Ядов предлагает «называть процедуру, при которой измеряемый объект сравнивается с другими по некоторым элементам и получает числовое выражение в определенном масштабе» [1]. Измерение по-прежнему остается альфой и омегой социологических исследований. И как ни трудно подобрать, создать, усовершенствовать «линейку», посредством которой можно было бы мерить социкультурные явления, социологи не отчаиваются. Есть обширная литература, подготовлен огромный математический аппарат, помогающий и усложнить конфигурацию «линейки» для отдельных видов социальных процессов, и упростить уж слишком неопределенные очертания самих процессов с тем, чтобы посчитать, измерить их, наконец. Конечно, обидно, что «при формализации теряется некоторая информация, не переходящая с уровня содержательного на уровень формализованный¹. Однако и в процессе деформализации теряется информация, т. к. не все формализованное переводимо на содержательный уровень» [2]. Так что одно к одному. Взвзявшись считать человеческие отношения, необходимо приготовиться к потерям.

Говоря о средствах конкретно-социологического анализа, вовсе не будем касаться темы сознательного искажения, подлога или ошибок, допущенных вследствие незнания азов сбора информации. Очевидно, что процедура измерения, обработка и интерпретация

---

¹ Особенно это заметно при процедуре кодирования открытых вопросов для обработки на ЭВМ.

данных могут быть преднамеренно некорректными, фальсифицированными. В данном случае интересен другой вопрос — возможны ли строгая корректность, точность применительно к сложным социальным, социокультурным процессам? Выразимы ли на языке цифр, формул, схем и графиков картина создания и воспроизводства человеком культуры и сопровождающие эту деятельность цивилизационные процессы, насыщенные культурными смыслами?

Наукой разработаны различные формы познания: эмпирическая, математическая, философская, моральная, эстетическая, историко-социологическая. Любая из них уникальна — имеет свою систему понятий, логически не связанную с системой понятий прочих форм, свой критерий истины, специфический способ ее доказательства.

В современной семиотике уже преодолено рассмотрение последовательно возникающих знаковых систем (от систем естественных и образных знаков к языковым системам, знаковым системам записи и кодовым) как иерархически выстроенных. По-видимому, у каждой знаковой системы существуют исключительные приемы, которые необратимо утрачиваются при переходе к другой системе. Запах, или звук, или образ, или слово не могут полностью отразиться в числе. Напротив, число нивелирует, стирает другие знаки, уравнивает их носителей. Да, ученому свойственно стремление «причесать», умерить действительность. Сегодня способы выравнивания достаточно закодированы, отчего увеличился объем утечки культурных смыслов. В математике точность — победа. Но вряд ли стоит торжествовать, добиваясь математической точности в характеристике социокультурного процесса. «Поскольку математика не располагает специальными методами исследования "больших систем", на первый план при их изучении выдвигается обоснование возможности применения существующих методов. В этом состоит одна из главных задач теории систем... Можно сказать, что системный подход в исследовании, таких объектов по сути дела это наука об упрощениях» [3].

Упрощение оборачивается опрощением, банализацией, утратой значимых (иногда — наиболее значимых) связей. Сие возможно лишь при утрате почтительного отношения к действительности (которое определяют как атрибут интеллигентности). Еще в середине XX века Н. Винер, которого никак нельзя заподозрить в недоверии к числу, предостерегал: «Мы не можем позволить себе пренебрегать социальными науками, но не должны строить преувеличенных надежд на их возможности. Нравится это нам или нет, но многое мы должны предоставить "ненаучному", повествовательному методу» [4]².

Социологи тем не менее не устают отстаивать право выражать знания об обществе в закодированной знаковой системе, настойчиво стремятся обосноваться в математическом «дворянстве». А социальная жизнь и развитие культуры, наполненные нравственными победами и поражениями, гениальными находками и мучительной стагнацией, комплексом создающих смысловое поле ассоциативных сцеплений, обходят

---

² Стоит также привести хотя бы в сноске еще одну цитату из Винера: «Успехи математической физики вызвали у социологов чувство ревности к силе ее методов, чувство, которое едва ли сопровождалось отчетливым пониманием интеллектуальных истоков этой силы,.. Подобно тому, как некоторые отсталые народы заимствовали у Запада его обезличенные, лишённые национальных примет одежды и парламентские формы, смутно веря, будто эти магические облачения и обряды смогут приблизить их сразу к современной культуре и технике, так и экономисты принялись облачать свои весьма неточные идеи в строгие формулы интегрального и дифференциального исчисления... Как ни труден отбор надежных данных в физике, гораздо сложнее собрать обширную информацию экономического и социологического характера, состоящую из многочисленных серий однородных данных... В этих обстоятельствах безнадежно добиваться слишком точных определений величин, вступающих в игру. Приписывать таким неопределенным по самой своей сути величинам какую-то особую точность бесполезно, и, каков бы ни был предлог, применение точных формул к этим слишком вольно определяемым величинам есть не что иное как обман и пустая трата времени» [5].

стороной самые хитроумные модели, ничтожно мало в них отражаясь. Уж если кого-то и характеризовать по анкете или по модели, так прежде всего автора анкеты или модели. «Модель — это всегда некоторое упрощений, определенная идеализация того, что должно быть моделировано» [6, с. 201]. Неслучайно процедура верификации воспринимается в настоящее время как результат взаимоотношений между соперничающими теориями — отнюдь не между теорией и действительностью. «Люди и вычислительные машины не являются разными видами одного и того же рода» [Там же, с. 262]. Нельзя совершенствовать человека по образу совершенствования машины. Ведь любая подсистема социокультурного процесса гармонична и дисгармонична одновременно. Безусловно, правы РЛ Кант и К. Маркс, считавшие, что лишь в математике выраженная наука совершенна. Однако это совершенство сродни концу. В культуре все взаимосвязано.

Голый сциентизм, наука для науки, «совершенная» наука, не опускающаяся до гуманитарных, художественных неточностей, вырождается. Об этом давно говорят не только гуманитарии, но и сами представители теоретической физики и математики. «Наше бесконечное напичкивание наукой не только привело нас в зависимость от нее, но и, как это бывает со многими другими лекарствами, принимаемыми во все возрастающих дозах, наука постепенно превратилась в медленно действующий яд» [Там же, с. 40].

Драматичный распад культуры на «две культуры», о котором писал Ч.П. Сноу [7], вероятно, может быть преодолен как раз при исследовании социокультурных проблем, проблем взаимодействия социальных смыслов, личностных ценностей, возникающих в культуре иносказаний, все новых иновыражежий, казалось бы ясных, «просчитанных» явлений. При этом необходимо преодолеть стремление сделать выводы исследования сугубо утилитарными. Нарочитый практицизм препятствует комплексному видению явления, постижению смысла социокультурного процесса. Как отметил О. Хаксли, «сосредоточиваясь исключительно на измеряемых аспектах тех элементов опыта, которые поддаются объяснению в терминах систем, подчиняющихся принципу причинности, они (ученные) получают возможность достичь очень большой и все растущей степени контроля над природной энергией. Власть, однако, не то же самое, что постижение сущности» [8]. Чрезвычайно важно уточнить этот момент. Пока сознательной или неосознанной основной задачей исследования служит подчинение изучаемого явления, установление властного контроля над ним, научный поиск неизбежно идеологизируется. Мы оказываемся на пути поиска не объективной истины, а пути «усмирения» объективной реальности, возможных вариантов обеспечения ее управляемости, использования ее как средства достижения тех или иных индивидуальных или групповых целей. Под своеобразием власти подгоняется каждый элемент социокультурного процесса. При чем цифра становится незаменимым инструментом, позволяющим определить удельный вес каждого социального признака в соответствии с главным критерием — полезностью для достижения субъективной цели.

«Человек, который хочет руководить и управлять массами, вынужден мыслить признаками и наоборот, мышление признаками способствует властвованию» — это слова безусловной сторонницы конкретно-социологических методов З. Ноэль [9, с. 46], успешно осуществляющей свои демоскопические исследования немецкого общества на протяжении десятков лет. В ее работах не вуалируется направленность (на властвование), хотя и неосознанным остается «зазор» между этой целью и научной целью построения объективной картины мира, антиидеологической ориентации человека в мире.

Несомненно, проблема властвования в современном социуме столь сложна, что сама по себе, требует серьезнейшей научной помощи. Утрата системности в мировоззрении граждан ведет к тому, что процесс делегирования ими собственной воли властвующим структурам все усложняется. Здесь способны помочь статистика, ЭВМ. С точки зрения Дж. Вейценбаума, «вычислительная машина была использована для того,

чтобы законсервировать американские социальные и политические институты" в тот момент, когда без этой опоры они не могли обойтись [6, с. 63]. Но возникшая при этом более сложная система управления, являясь и более эффективной, не стала более совершенной как элемент социокультурного процесса.

Научный образ мышления специфичен. При нем нерасчлененное вечное «все» не может оставаться в нетронутой целостности. Некогда «слежение за временем перешло в приспособление ко времени, его учету и нормированию. Часы отделили время от происходящих в жизни человека событий и способствовали возникновению убежденности в существовании отдельного мира последовательностей, поддающихся математическому измерению: особого мира науки», — как заметил Л. Мамфорд [10]. Мир явлений сводится к таблице признаков. «Мыслить признаками, систематически классифицировать и анализировать явления, связанные с цифровыми данными и с "законом больших чисел", означает добиться преодоления эмоционального барьера, ограждающего нас от цифр, статистики и их производного — опросных методов... Речь здесь идет о процессе абстрагирования, о сведении нашего мира явлений к признакам» [9, с. 26]. К тому же в социокультурном поле совершается трансформация связей общения ($\leftrightarrow$) в коммуникационные связи ($\rightarrow$), переход от «экзистенциальной коммуникации» (К. Ясперс), т. е. отношений между «я» и «ты» к отношениям неравенства, манипуляции, управления, подчинения между «я» и «он», «я» и «оно» (М. Бубер) [11]. Еще сравнительно недавно считалось, что статистика по природе своей экономическая наука. «Специфической областью применения статистики как науки, — писал академик С.Г. Струмилин, — не только исторически, но и логически мы с наибольшим правом должны признать общественно-производственные отношения и процессы, а основной ее задачей — исследование присущими ей методами социально-экономических закономерностей» [12]. Ныне ситуация иная. Статистика добывает «факты», характеризующие самые сложные, комплексные, насыщенные культурными смыслами социальные явления. Запускаемый при этом в социокультурное поле, зонд на первый взгляд, не представляется страшным, напротив — вполне цивилизованным. «Демоскопическое интервью кажется поразительно похожим на беседу двух людей, отличаясь только (! — *О К.*) частным проявлением нетактичности» [9, с. 50]. Какая, на самом деле, мелочь — бестактность. А в остальном — все нормально. Или, скажем, анкетирование: «чем лучше проект анкеты, тем менее ясна его цель для читателя» [Там же, с. 82]. Тоже установка, говорящая об уважении к респонденту.

Предположим, и прежде науке была свойственна беззастенчивость. В ней трудно продвигаться, не дистанцируясь от строгой этической нормы. Однако и беззастенчивость или аккуратнее — вера науки в себя должна иметь разумный предел. Вера в полную вычислимость действительности не менее иррациональна, чем убежденность в абсолютной непознаваемости мира.

Абсолютизация и переэксплуатация закона больших чисел ведет к отрицанию возможности столкновения подлинно несоизмеримых человеческих интересов и несопоставимых человеческих ценностей. Для создания картезианской картины социального мира ЭВМ была бы большим подспорьем. Но если социология культуры отваживается вписаться в современную науку, она вынуждена глубже использовать принцип относительности, распространяя его на оценку реальности и самых что ни на есть эмпирических фактов; «вся эмпирическая наука представляет собой изошренную структуру, покоящуюся не на сваях, вбитых в скальные основания (как обычно считают), а на зыбучих песках подверженных ошибкам суждений, допущений и интуиции человека» [6, с. 43]. С позиций физики непредсказуемость принципиальна даже в движении двух шаров; отправной точкой теории в квантовой механике является случайность. Предвосхитив современный взгляд на хаос, А. Пуанкаре обратил внимание на чрезвычайную чуткость

неустойчивых динамических систем, в состоянии которых сколь угодно малые неопределенности усиливаются со временем и делают невозможным предсказание будущего [13]. Принимаясь со своей стороны за анализ функционирования социальных систем, математики выделяют факторы, делающие принципиально непредсказуемым поведение оных: их неделимость на элементы, неоднородность структуры, нелинейность характеристик, резко асимметричное распределение параметров, многоконтурные взаимосвязи [14].

Учет этих факторов актуализирует задачу поиска иных путей в анализе социальных и социокультурных явлений. С разных сторон — от математики и от гуманитарного знания ведущийся поиск метода приводит к использованию феноменологического подхода³. Все настойчивее в социологии предпринимаются попытки преодолеть замкнутость в сфере специально-прикладных исследований, выйти на уровень концептуального осмысления социокультурного процесса. Понимающая социология, важнейшие аспекты которой заложил М. Вебер, развивается в основанной А. Шюцем феноменологической социологии, в символическом интеракционизме, в этнометодологии Г. Гарфинкеля. Освобождаясь от числовой эйфории, социология постепенно преодолевает «манию наглядности», выявляя действительно значимые с аналитической точки зрения взаимосвязи между:

- стандартизацией сфер производства и потребления и разнообразием социокультурных ориентации;
- внешнеэкономическими стимулами производства и потребления и внутрипсихологическими установками людей;
- рационализацией производства и иррационализацией потребления;
- научно-техническими инновациями и ценностно-культурными традициями определенных социальных групп — этносов, классов, поколений;
- интернационализацией в основных сферах социальной жизни и национальной самобытностью культур;
- глобализацией системы воспитания и сосредоточением воспитательных воздействий на выявлении своеобразной индивидуальности каждого [16].

Анализ этих «линий напряжения» в развитии культуры позволяет восстановить и раскрыть идею многокачественности ее субъектов, многообразия способов их самореализации и воспроизводства. К примеру, подсчитано, что за 15 лет в Африке выпуск книг увеличился в два раза и составил 27 названий на 1 млн. жителей, а в Северной Америке — в 6,5 раз и достиг 389 названий [17]. Встает проблема интерпретации, включения этих фактов в исследование. Сообразуясь с «количественной» логикой математической статистики, правомерно предположить, что знание об огромном разрыве.

---

³ Чтобы подтвердить выход к феноменологическому подходу не только социологов, но и математиков, приведем следующие рассуждения доктора технических наук Ю.А. Алимова: «Альтернативу методу математической статистики ... можно охарактеризовать немногими словами так: в исследованиях за пределами фундаментальной физики, по возможности, воздерживаться от введения в исходные посылки таких теоретико-вероятностных величин, которые не измеряются в натуральных экспериментах (так называемый численный эксперимент сравнивает между собой две модели — машинную и "бумажную", но не модель с реальностью). Объекты изучения в экономике, социологии и даже в современной технике чаще всего слишком сложны и нестабильны для построения их полезных моделей, исходя из удаленных от эксперимента общих принципов, характерных для основ физики. Здесь, так сказать, рентабельны оперативные феноменологические модели без особых претензий на фундаментальность. В соответствии с принципом равнопрочности всех элементов прикладного исследования здесь следует настроенно относиться к привлечению сложной математики» [15].

между Африкой и Северной Америкой в издании книжной продукции есть исходный пункт на пути к его преодолению. Цель — добиться паритета. Тогда ситуация будет восприниматься как нормальная. Но если применить в данном случае феноменологическую логику, логику культурной жизни, отмеченной разнообразием региональных, национальных, групповых, индивидуальных особенностей, то, возможно, проблема отставания утратит свою очевидность. Ведь, скажем, в сфере аудиовизуальной коммуникации, где с 60-х годов разворачивается бум, отставание отнюдь не столь выражено. А аудиовизуальная культура новее письменной и часто рассматривается как более прогрессивная. Социализация, самовоспитание, педагогическое воздействие в США и Канаде немыслимы без письменной культуры — основы цивилизации Севера. В то время как воспроизводство личности на Юге в гораздо большей степени опирается на устную культуру

Осмысливание социокультурных явлений, таким образом, базируется на исследовании взаимодействия двух тенденций — стандартизации и «уникализации», а соответственно — на действии закона больших чисел, из которого следует, что «в большом числе случаев происходит взаимопоглощение индивидуальных уклонов величин одного и того же вида от общей их меры» [18], и противоположного ему закона малых чисел, отражающего явление концентрации культурных изменений в деятельности индивидуальностей, как и феномен формирования уникального в культуре, предполагающий концентрацию социальной энергии (рефлексии, ассоциаций) на единичном: «Один цветок лучше, чем сто, передает великолепие цветка» (К. Ясунари). Если закон больших чисел широко применяется (особенно в «западной» науке), то о законе малых чисел этого пока сказать нельзя, хотя его, пожалуй, нужно рассматривать как фундаментальный в развитии гуманитарного знания. Он отражает явление, зафиксированное не только в научном знании, в художественных образах, но и в языке, в народном сознании. Закон этот характеризуется, допустим, тем фактом, что верующий человек всегда предпочтет старую икону новой, потому что она «намолена». Уникальное рождается не одновременно. Существовая в обществе, шедевр искусства, нравственное озарение или научное открытие обогащаются, обременяются опытом человеческих отношений, аккумулируют этот опыт и увеличивают тем самым свою роль в культуре. Распространение культурных смыслов требует использования неких усредненных значений, стандартизации, при которой происходит формализация уникального в знак. Впоследствии личность может раскодировать этот знак более или менее полно, однако при этом возникнет не прежний, а новый феномен, новое явление культуры, новое качество.

Стандартизация предполагает применение статистических методов, но другая тенденция в развитии социокультурного процесса (основанная на действии закона малых чисел) категорически противится этому. «Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и теории культур, как и вообще из всех эволюционных наук, — подчеркивал выдающийся русский культуролог Н.С. Трубецкой, — ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие» [19].

Словом, вновь оказываемся перед выбором: изучать количественные изменения в социокультурных явлениях (т. е. исходя из эгоцентристской позиции обслуживать идеологический процесс, оценивая, выявляя низшие и высшие) или начисто избавиться от их ранжирования, от принципа иерархичности, отрешиться от политических проблем властвования, воспарить над ними и разбирать только «похожести и непохожести». Правда, решительный выбор сделать так и не удастся.

Весь научный опыт доказывает несамодостаточность любого из этих двух путей, методов. Они оба необходимы, выполняют каждый свой круг задач. Проблема в том, чтобы научиться сочетать эти методы. Для ее решения важно не упускать из виду фактор временной и пространственной прерывности и непрерывности социокультурного процесса⁴.

Исследуя определенное социокультурное явление, мысленно обособивая его от всего окружающего, превращая из открытой в закрытую систему, мы выявляем иерархию образующих его объектов, т. е. системную структуру — ее функции и связи, механизмы управления ими, регулирующие нормы взаимодействия. Когда же в ходе анализа переходим к пространственному и временному «открытию» системы, актуализируется разбор «похожести и непохожести», сопоставление различных качеств. Применимость количественного статистического метода резко сужается, а коль скоро не происходит этого, получаем усложняющуюся в геометрической прогрессии картину, смысловая значимость которой минимальна, а порой и отрицательна, т.-к. под новую совокупность существенных признаков «подсовывается» прежнее определение, распад старой структуры рассматривается как деградация явления, уже изменившего свое качество⁵. Статистика тут формулирует свои выводы в поле предрассудков, оперируя «обломками давней правды». Но огромный арсенал конкретно-социологических методов позволяет создать «особый мир — «мир, который невозможно понять, проконтролировать, в котором иногда невозможно общаться» [22]. Современная наука о системах, не умея на языке цифр и уравнений отразить эффективность действия естественного интеллекта человека, предлагает добиваться создания интеллекта искусственного, перед которым человечество выступит «в роли ребенка, вопрошающего родителей» [23]. И если до сих пор очень трудно понять, насколько истинны устои, гипотезы посылки, создавшие основу такого особого мира, то в дальнейшем это станет просто невозможным, что признается и создателями ЭВМ. Сами «творцы цифр» отмечают: «Вычислительная машина превратилась в средство уничтожения истории, ложь, попавшая в ЭВМ, навечно становится "правдой"» [6, с. 302]. Возникает подобие оруэлловской действительности с «новоязом» — языком цифр, моделей и графиков, позволяющим манипулировать прошлым и трансформировать будущее.

С другой стороны, категорически, полностью и окончательно отрекаясь от оценивания при изучении социокультурного процесса, оставляя за собой лишь право сличать «похожее и непохожее», трудно не попасть в сферу сугубого субъективизма, где можно с упоением или тоской наблюдать бессвязное движение количественно не

⁴Приведем две позиции по вопросу о роли данного фактора: «(Воспринимаемые элементы деятельности образуют субъективно и объективно поддающиеся исчислению рациональные взаимосвязи, благодаря чему из жизни все более и более вытесняются эмоциональные реакции и решения, принимаемые под влиянием эмоций. Они возникают лишь в перерывах жизненного потока и относятся к конечным целям существования» [20]. Вот почему, по Зиммелю, социолога не занимает то» что не подвержено эмоциональным реакциям и не касается проблемы определения конечных целей существования — не моменты изменения в «жизненном потоке», но статика; Заметим, этот подход проявил свою архаичность в современной науке. Сопоставляя классический и не классический идеалы рациональности, МЛС. Мамардашвили писал: «Обычно строят прежде всего такого типа теории» которые относятся к устойчивым, повторяющимся и обратимым явлениям, и затем на фоне этого в качестве добавки, уточнения и т. д. начинают говорить о тех условиях и особенностях, которые связаны с появлением в мире инноваций, нового. Но, очевидно, имело бы смысл поступать наоборот — начинать с введения каких-то понятий для строения и законов именно с учетом и в разрезе инноваций, а остальное, т. е. обратимые устойчивые и повторяющиеся в полноте бытия, процессы рассматривать уже как частный случай на фоне концептуально продуманной проблемы рождения, развития и исчезновения новых форм, регулируя утверждения о последних принципом соответствия» [21].

⁵ Скажем, в исследованиях, основанных на статистическом анализе коммуникационных процессов, стала традиционной негативная оценка уменьшения числа посещений кино — «самого демократического искусства» и практически не отражено образование другого качества в условиях возникновения новой социокультурной ситуации, когда интенсивно распространяется телевидение и видео.

оформленных и иерархически не выстроенных качеств, сущностей, «мир, в котором всему есть место», где все принципиально невыразимо одно через другое и чурается какого бы то ни было усреднения, любой попытки быть выраженным через эквивалент и, значит, эквивалентного отражения. Если «посчитанный мир закрыт в анализе», то этот — «невыразимый» — оказывается закрыт для анализа. Некогда, на заре человеческой истории, актуальной была проблема преодоления закрытости мира для исследования. Ее решили: люди научились образовывать понятия и дифференцировать. Развитие этих способностей повело к становлению науки. Человек, разъединяя и обобщая, дифференцируя и систематизируя, обеспечил себе то, что М.М. Бахтин назвал «не алиби в бытии» культуры, хотя одновременно была нарушена первоизданная целостность и невыраженность реальности. С тех пор человечество не покидает ощущение утраты, стремление воссоздать целостность, вернуться в «потерянный рай». Но, это стремление не может искоренить человеческую жажду игры, обновления, конструирования собственных подобий мироздания.

Взаимодействие этих двух стремлений лежит в основе адаптации человека, человечества. «Адаптация, — как доказал У.Р. Эшби, — требует не только интеграции связанных между собой действий, но и независимости действий, не имеющих отношения друг к другу» [24, с. 231]. В отличие от механических новые формы ультрастабильной системы (социальные) быстрее адаптируются «благодаря частичному, гибкому, временному "выключению" зависимостей внутри целого, так что целое становится комплексом подсистем, внутри которых связи сильно развиты, но между которыми они более ограничены» [Там же, с. 232]. Естественно, что, адаптируясь, система развивает как внешние, так и внутренние связи. Вместе с тем в свете осуществленного Эшби изучения вопроса нельзя не учитывать, что за определенной гранью «увеличение числа связей адаптирующихся систем может быть вредным» [Там же, с. 315]. Например, связи национальных систем воспитания плодотворны для развития воспитательной деятельности в целом. Но для социокультурного процесса губительна абсолютизация тенденции сближения национальных систем воспитания, так же, как и национальных культур, которое можно было бы назвать «синдром Вавилонской башни». Ибо «всякая культура производит в пределах данного социального целого нивелировку индивидуальных различий его членов... Происходит это естественным образом, в силу взаимной нейтрализации полярных, т. е. максимально противоположных индивидуальных различий. В результате на всякой культуре лежит отпечаток некоторого среднего для членов данной социальной среды психического типа... Если представить себе культуру, творцом и носителем которой является все человечество, то ясно, что безличность и расплывчатость в такой культуре должны быть максимальны» [25].

Опасливое отношение к чрезмерному сближению народов, культур может быть преодолено отдельными политиками, учеными, призывающими к снятию границ в политическом и интеллектуальном пространстве⁶. Однако в обыденном, не обремененном чрезмерной приверженностью идеологии или сциентистским комплексом, сознании, в «коллективном бессознательном» (К. Маннгейм) живет эта опасливость, желание сохранить дистанцию, не смешаться с другими, не раствориться, сохранить особость.

Отличаться, разниться стремится индивид, а статистика преодолевает это. Э. Ноэль рассказывает: «Обсуждая с посетителями проблемы достоверности данных опроса, им... показывают на диаграмме, как выглядят результаты опроса по данным, полученным от первой сотни, затем от двухсот, трехсот поступающих с территории ФРГ интервью.

---

⁶ Иллюстрацией этого служат развернувшаяся ныне работа политиков по объединению Европы (отнюдь не всегда поддерживаемая «массами») или попытки создания единого языка — эсперанто, а также формирования абсолютно безнационального фонда интернациональных знаний как основы принципиально нового состояния цивилизации.

Посетители могут видеть, как довольно быстро — после восьмисот или тысячи интервью — результаты стабилизируются, и последующие тысяча, две тысячи и более анкет не приносят существенных изменений» [9, с. 42]. Стало быть, статистика на основе проведенного интервьюирования определенного числа респондентов получает фактические данные о мнении всех членов конкретного сообщества. Но не о мнении каждого. Для политики, для стабильности общества значимо первое, для культуры, развития гуманизма — второе. Ведь тот, кто меняет образ культуры, творит новые смыслы — всегда «шагает не в ногу с ротой».

Статистика определяет истину через систему показателей настроений социальной общности; социология культуры, не исключая из анализа эти показатели, в гораздо большей степени занята проблемой отражения взаимодействия разных, культурных сущностей, различных качеств. Здесь несравненно более значимыми, нежели лонгитюдные исследования и тесты, анкетирования, опросы или контент-анализ выступают (да и то в нетрадиционном виде) экспертные оценки — мнения лидеров, творцов, концентрированно отражающих суть бесконечного многовекторного социокультурного процесса. В пространстве его исследования синтетический образ обретает право служить доказательством. Сравнение с образом «скупого рыцаря» и Гобсека скажет больше о социокультурном развитии, чем статистика, иллюстрирующая экономический рост с XVIII по XIX век. Кармен не могла быть блондинкой, и сие может выступать и действительно выступает доказательством того, что национально-культурная специфика непосредственно связана с природой, с физиологией человека той или иной национальности. С точки зрения статистики, тысяча людей или книг сообщат о явлении точнее, полнее и больше, чем одна книга, один человек, а для социологии это отнюдь не само собой разумеется. Она изучает поведение социальных сообществ именно через исследование действий индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядов В.Л. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968. С. 104.
2. Неформализованные элементы системы моделирования глобального и регионального развития. М.: 1982. С. 147.
3. Природа моделей и модели природы / Под ред. Гвишиани Д.М. М., 1986. С. 90.
4. Винер Н. Кибернетика. М., 1983. С. 248.
5. Винер Н. Творец и робот. М, 1966. С. 104.
6. Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. М., 1982.
7. Сноу Ч.П. Две культуры и научная революция. М., 1973.
8. Huxley A. Science, diverty and Peace. New York, 1946. P. 35.
9. Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. М., 1978.
10. Mumford L. Technics and Civilization. New York, 1963. P. 14.
11. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991.
12. Вопросы статистического измерения связи между явлениями. Корреляционный анализ. М., 1950.
13. Панкратов С. Законы непредсказуемости // Наука и жизнь. 1988. № 3-
14. Петров В.М., Яблонский. А.И. Математика и-социальные процессы. Гиперболические распределения и их применение. М., 1980.
15. Алимов Ю.И. Альтернатива методу математической статистики. М., 1980. С. 60.
16. Лейбин В.М. Социокультурные аспекты глобального моделирования // Глобальное моделирование; социальные процессы. М., 1984. С. 123.
17. Коржева Э.М. Коммуникативный подход к модельному исследованию глобальных проблем культуры // Глобальное моделирование: социальные процессы. М., 1984. С. 110.
18. Статистика. М., 1969. С. P8.
19. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920. С. 42—43.
20. Simmel G. Philosophie des Geldes. Munchen—Leipzig, 1922. S. 482.
21. Бламарбаивили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси 1984 С. 80.
22. Визнер Дж.Б. Перспективы «информационной тирании» // Кибернетика сегодня: проблемы и суждения. М., 1976. С. 39.
23. Флейшишман Б.С. Основы системологии. М., 1982. С. 38."
24. Эшби У.Р. Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения. М., 1962.
25. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков. Берлин, 1923. С. 140